

Ядерная иллюзия

По ситуации на сегодня (и ближнюю, и среднесрочную перспективу), морские стратегические силы (МСЯС) объективно незаменимы в системе стратегического сдерживания (в первую очередь для предотвращения «обезоруживающего» удара).

Но давайте поразмышляем как профессионалы...

В отечественной военной теории длительное время присутствовала, да и сейчас упоминается теория так называемой ядерной эскалации. **Смысл её вкратце в том, что при осознании невозможности выйти из неядерной войны без поражения Россия может прибегнуть к ограниченному по масштабам разовому применению ядерного оружия, чтобы «осадить» нападающего и склонить его к прекращению боевых действий.** Отечественными военными специалистами рассматривались различные варианты такого применения — от удара по пустым районам в море в демонстрационных целях, до ограниченного ядерного удара по неядерным союзникам ядерного агрессора.

Эти рассуждения на всех уровнях, начиная с президента РФ и включая высшее руководство МО, политологов и СМИ, стали особенно популярны с началом СВО, когда о поддержке Украины заявили практически все государства члены НАТО.

В СМИ культивируется миф о том, что, если что — у нас есть ядерное оружие и с его помощью мы решим все проблемы.

Применение ЯО, даже успешное применение первым, ничего не гарантирует. Оно не ведёт даже к окончанию военных действий. Оно не даёт гарантии на выход противника из войны, на победу или хотя бы на не поражение. Оно не обеспечивает того, что война не будет продолжена в виде войны на уничтожение.

Оно гарантирует только существенный рост потерь противника. Причём, не фатальный для него. И не более.

Надо чётко понимать, что предпочтительнее решать все политические и военные вопросы и проблемы без ядерного оружия, чем с ним.

Применительно к войне на море одной из возможных разновидностей таких действий является нанесение ограниченных ядерных ударов по военно-морским группировкам противника.

Однако необходимо понимать следующее. Применение ядерного оружия влечёт за собой массу негативных последствий даже без учёта ответных ходов противника. Среди них:

а) подрыв репутации атакующего и его политических позиций в мире, причём подрыв очень серьёзный, сравнимый по последствиям с проигранной войной;

б) необходимость проводить эскалацию ещё выше, если против-

ник, против которого применено ядерное оружие, не сдаётся. Эскалация будет невозможна без уничтожения мирного населения противника, причём в данном случае — безответного. Впоследствии возможен серьёзный моральный кризис у общества в будущем вплоть до появления «комплекса вины» аналогичного тому, который некоторые жители Европы испытывают по отношению к представителям некогда колонизированных европейцами народов;

в) противник, по которому нанесён ядерный удар, может посчитать себя вправе прибегнуть к таким методам войны, к которым он в противном случае не прибегнул бы. Например, к применению боевых штаммов на территории атакующего, или широкомасштабному оснащению террористических группировок такими видами оружия, как ПЗРК; спонсирование, поддержка и использование терроризма в значительных масштабах, различные формы ударов по объектам ядерной энергетики и так далее.

Нужно понимать важную вещь: другие культуры имеют свои представления о допустимом и недопустимом, и они не совпадают с нашими. Также отличаются и понятия о неприемлемом и приемлемом ущербах. Другие люди думают не так, как мы. Им кажется логичным и самоочевидным не то же самое, что и нам и не так, как нам.

Всё вышеперечисленное верно для ядерного удара по неядерной стране. В случае, если атакованный противник тоже имеет ядерное оружие, то ситуация меняется кардинальным образом. **Понеся потери от ядерного оружия, противник вполне может прибегнуть к ответному ядерному удару. Причём, что для многих отечественных теоретиков неочевидно — необязательно «симметричному» удару.**

А это уже является поводом для того, чтобы все соображения типа «Зачем нам корабли, торпеды и ракеты, если всё равно придётся ядерное оружие в ход пустить?» признать несостоятельными.

Напугать врага ядерными бомбами может не получиться. Нужно учитывать это в своём планировании.

Ядерное оружие — это просто ещё один вид очень мощного оружия. Не более того. Им одним серьёзную войну не выиграть, как и никаким другим отдельно взятым видом оружия.

И его наличие, как и готовность применить его в рамках наступательной операции, никак не отменяет необходимости готовиться к войне в принципе: от создания новых кораблей и видов оружия до отработки неядерных ударов по военно-морским группировкам противника.

Ставка на сверхоружие

Известной «болезнью» военного развития является ставка на некое «сверхоружие» — оружие, которое качественно поднимет боевую эффективность войск и флота в частности, настолько, что они выиграют войну за счёт этого.

В России в общественном сознании вера в супероружие стала частью национального мифа. Увы, но ей оказались подвержены и различные должностные лица, которые по своему положению и роли в государственной системе, могут принимать принципиальные решения и претворять их в жизнь.

Президент России В.В. Путин, например, неоднократно высказался в том ключе, что раз у России есть гиперзвуковые ракеты, то и уровень военной угрозы для страны не вызывает опасений. Не будем говорить об иных видах вооружений, существующих только в прототипах или опытных образцах.

На самом деле, хотя инвестиции в новое оружие обычно полезны, а получение технологического превосходства над противником всегда приносит пользу, на одних этих достижениях войны не выигрываются. **Влияние более эффективных вооружений, ракет, снарядов или иных боеприпасов оказывается решающим только тогда, когда они повышают вероятность поражения цели в разы, и их количество также превышает их число у противника в разы.**

Концепция, согласно которой можно получить решающее преимущество над противником, создав новый вид оружия, автоматически «обнуляющий» имевший место ранее баланс сил — несостоятельна.

Численность обычного оружия, личного состава, его подготовка, моральная стойкость, правильность доктрин, на основании которых готовится действовать военная сила, умение штабов управлять всем этим и умение политиков ставить военным реальные и достижимые задачи куда важнее, чем некий сверх инновационный образец ракеты или торпеды.

Это не значит, что не надо придумывать новое оружие, пытаться получить техническое превосходство над противником. Надо. Но одним этим никакую войну не выиграть, и по-настоящему решающего превосходства не получить.

Поэтому ставка на инновационные виды оружия не может служить основой военного строительства. **Новое оружие нужно придумывать и создавать, но это только одна из многих составляющих процесса военного строительства, и не всегда самая актуальная и эффективная.**

Отдельным вопросом поставлено информационное обеспечение в сфере морской деятельности. Необходимо отметить, что раньше этот вопрос был в значительной степени отработан при существовании в Военно-Морском Флоте Центрального командного пункта ВМФ, где на карте мирового океана высвечивалась вся значимая мировая обстановка, а в составе смены работали опытейшие специалисты, не понаслышке знающие все регионы мирового океана и способные

адекватно оценить поступающую информацию и подготовить грамотные предложения по решению возникающих проблем. Информация без аналитической обработки специалистами мертва. В порыве реформаторства многие функции ВМФ были, к сожалению, утрачены. Возникает необходимость вспомнить о прошлом опыте.

Ставится задача осуществления военно-морской деятельности в Мировом океане, а решать вопросы её тылового обеспечения при отсутствии Тыла ВМФ проблематично. Ведь Тыл Вооруженных Сил России организует свою работу через систему военных округов, а здесь межтеатровые переходы, пополнение запасов в море, взаимодействие в этих вопросах с судами морского транспорта, рыбопромыслового и специализированного флотов, то есть вопросы, требующие знания морской практической деятельности, особенностей международного морского права.

Давайте вспомним советскую программу «строительства большого океанского флота» без призывов к каким-либо историческим аналогиям.

В декабре 1935 года неожиданно для командования Красной Армии и Морских сил Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед военным ведомством и промышленностью амбициозную задачу — создать к 1947 году «большой морской и океанский флот», способный бросить вызов флотам сильнейших морских держав (24 линейных корабля, 20 легких крейсеров, 146 лидеров и эсминцев и 359 подводных лодок).

Зная судьбу этой программы, современные военно-морские историки совершенно справедливо говорят о том, что она намного превышала реальные возможности советской судостроительной промышленности и военной экономики в целом. Значит ли это, что И.В. Сталин не владел фактической обстановкой, а поддержавшие его члены Политбюро и взявшие под козырек военные просто не посмели ему возражать?

На этот вопрос многие исследователи отвечают утвердительно, однако немало и тех, кто считает, что такой ответ лишь уводит в сторону от понимания мотивов, которыми руководствовался лидер партии и государства. **Впрочем, и они не могут предложить логически безупречной версии.**

А основная ошибка, очевидно, заключается в том, что во внимание не принимается главное — **это было политическое решение, которое И.В. Сталин принимал в первую очередь как политик и лишь во вторую — как фактический Верховный Главнокомандующий.**

Очевидно также, что в тот момент этого не поняли ни в Генеральном штабе, ни в Управлении начальника Морских сил РККА, где разрабатывались все варианты «большой» судостроительной программы.

В своих предположениях они исходили исключительно из оперативных возможностей, приобретаемых флотами и флотилиями после ее реализации, **рассматривая многократное усиление их боевого состава вне контекста**

политической стороны военной доктрины, которая, по выражению Н.Г. Кузнецова, «была в голове у Сталина».

А для И.В. Сталина заявить на весь мир о начале строительства океанского флота было, может быть, даже более важно, чем его создать. **В середине 1930-х годов океанский флот являлся важнейшим признаком великодержавности, примерно таким, каким сегодня является наличие полноценной стратегической ядерной триады.**

Тем не менее, отвлекшись от этого исторического экскурса, **можно признать, что, в целом, задачи, поставленные новой Морской доктриной весьма обширные и в целом решаемые при грамотном использовании ранее накопленного опыта и наличие необходимых ресурсов.** Но их решение будет существенно затруднено из-за недостатка средств (что уже очевидно), необходимости пересмотра ряда законодательных актов и перераспределения властных полномочий с целью построения единого механизма в этой области деятельности и преодоления межведомственных амбиций.

И хотя нынешняя кораблестроительная программа принята и выполняется в рамках ГПВ — 2050, главный концептуальный тупик, связанный с реалистичностью задач и планов применения сил флота не преодолен, что провоцирует появление новых фантастических кораблестроительных планов, оторванных как от текущих приоритетных задач обороны Отечества, так и от декларируемых Морской доктриной положений о проекции силы в мировом океане.

Безусловно, строительство ВМФ должно идти с учетом экономических реалий и возможностей. При этом нужно понимать, что ресурсы ограничены для всех и всегда, и для США, и для КНР, и тем более для нас.

Нам нужна современная адекватная отечественная теория военно-морского могущества, нужно адаптировать её к географии, ведь положение России на морях уникально.

Многие западные «партнеры», общаясь между собой, характеризуют Россию как Landlocked — дословно запертую или заблокированную сушей. (Важно правильно понимать смыслы: у нас в ходу словосочетания типа «сухопутная держава», а у оппонентов вместо этого — «запертая сушей»).

Противоречия нет. Все морские коммуникации, которыми пользуются торговые флоты разных стран для сообщений с нашей страной, и наш Военно-Морской флот тоже, проходят через узкости, которые контролирует потенциальный противник.

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО ещё больше усугубляет эту ситуацию.

Флот должен быть боеспособным, и для обеспечения этой самой боеспособности архиважно, чтобы в мирное время не только командование, но и военно-политическое руководство страны, регулярно производило оценку изменения геополитической обстановки, технических трендов, методов ведения

войны и приоритизацию рисков и возможно делать это с привлечением науки. По итогу анализа флот должен получать технические средства, необходимые для эффективного участия в ожидаемых конфликтах, а также начинать совершенствовать тактику применения этих самых средств.

Опыт строительства и применения советского флота «Эпохи Горшкова», включающего корабли океанской зоны, может быть полезен, но это далеко не догма и даже не образец для подражания в современных условиях.